

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

О.Н. Ляшевская. Семантика русского числа. М.: Языки славянской культуры (Studia philologica). 2004. 400 с.

Автор рецензируемой книги ставит своей целью систематическое описание закономерностей выбора числовой формы у существительного в современном русском литературном языке. При этом больше всего внимания уделяется нестандартному поведению форм грамматического числа. Таким образом, автор подошел к области грамматики, которая до сих пор не была удостоена должного внимания даже в рамках московской семантической школы. О.Н. Ляшевская, опираясь на традиции, давшие импульс созданию и развитию системной лексикографии, сумела написать книгу, позволяющую считать, что для долго существовавших “лакун” в интегральной трактовке существительных русского языка наконец разработан адекватный способ описания и указаны пути его отражения в лексикографии и грамматике. Другими словами, автор проторил дорогу для интегрального описания весьма “капризной” части лексического фонда, хотя нельзя сказать, чтобы вся эта часть словаря была охвачена полностью. Рассмотрению фактов с точки зрения системной лексикографии отведено больше места во второй половине книги, особенно в главе восьмой (см. ниже).

Действительно, “едва ли не большая часть имен не укладывается в тривиальную схему” (с. 11). Тривиальным (или стандартным) значением множественного числа можно считать значение арифметического множества, например в названиях конкретных предметов (*стол – столы*), но также в абстрактных существительных, как в целом ряде предикатных имен; ср., например, *взгляд – взгляды* в высказывании *Их взгляды встретились* (о параллелях между предметными и предикатными именами см. ниже). О.Н. Ляшевской удалось предложить этому явлению многофакторное объяснение.

Книга делится на 10 глав, включая “Экскурс” после седьмой главы. Главам предшествует Предисловие и Перечень сокращений и Условных обозначений; в конце книги находятся краткое Заключение, Библиография, Лексический указатель и Резюме на английском языке.

В главе 1 дается обзор истории изучения семантической и грамматической структуры и особенностей числовой парадигмы русского языка. Особое внимание уделяется спорам о грамматическом или лексическом характере граммем числа, которые велись по меньшей мере с XIX в. Автор также касается дискуссии по поводу словоизменительного vs. словообразовательного характера категории числа (с. 24–25); к этой дискуссии она возвращается в самом конце книги на примере предикатных имен, обозначающих движение (с. 329–335). Рассматриваются прежде всего концепции А.А. Реформатского, А.А. Зализняка и И.А. Мельчука. Подчеркивается, что традиционные подходы, в том числе структуралистские, стремились к объяснению поведения форм числовой парадигмы с помощью наборов частных значений, на основании которых, в свою очередь, пытались найти некое общее значение каждой из граммем парадигмы. Меньше внимания уделялось причинам лексикализации форм числа, а выделявшиеся подчас семантические или формальные причины выбора форм числа не использовались в формулировках общих правил (с. 31–35). Следует, однако, отметить, что и О.Н. Ляшевская только в исключительных случаях предлагает иерархически организованные правила. Поэтому ценность ее работы состоит больше в упорядочении, систематическом пересмотре и изложении материала, а также в выяснении причин выбора форм числа, чем в (редких) попытках фор-

мализации правил. Правда, эта методологическая “сдержанность” по крайней мере частично объясняется свойствами самого материала (см. ниже об описании числового поведения в дистрибутивных контекстах).

Обзор по истории изучения числа в русском языке обосновывает и дальнейший подход к материалу. Он определяется следующим образом. К главным особенностям категории числа, представлявшим проблему для всех теоретиков, всегда относились слова *singularia* и *pluralia tantum*, т.е. существительные с формально дефектной парадигмой числа. Однако формальная дефектность не предрешает, является ли парадигма этих существительных также функционально дефектной. Последнее имеет место, когда “семантика данного имени ‘X’ не допускает сочетания смыслов ‘один X’ или ‘несколько X’” (с. 20), причем функциональную дефектность числового поведения могут обнаруживать также существительные с формально полной парадигмой. Из этого следует, что формальная и функциональная дефектность парадигмы не зависят друг от друга и могут перекрещиваться. Так например, *singularia tantum* *бельё, обувь, кислород* дефектны как в формальном, так и в функциональном отношении, поскольку у них не только нет формы множественного числа (МН), но и форма единственного числа (ЕД) семантически не поддается счету. То же самое, только с обратной формальной дефектностью, справедливо по отношению к таким *pluralia tantum*, как *сливки, детиски, лохмотья*. Такие *tantum-существительные* поэтому и называются несчетными. Однако есть *pluralia tantum*, которые, несмотря на свою формально дефектную парадигму (нет ЕД), подлежат счету; ср., например, *сани, сутки* (в отличие, например, от *каникулы, заросли*). В принципе (хотя О.Н. Ляшевская об этом не пишет) такое же разграничение можно провести с несклоняемыми существительными: существительные типа *такси, купе, какаду* исчисляемы, а существительные *реноме, кино* (как вид искусства, ср. *Он разбирается в кино*) неисчисляемы (с. 20–21). Следует подчеркнуть, что такая перекрестная классификация еще не объясняет, почему одни *tantum-существительные* принимают форму единственного, а другие – форму множественного числа. В дальнейшем этот вопрос освещается на отдельных, чаще всего малочисленных группах слов (см., например, с. 167), причем кажется, что О.Н. Ляшевская осознает, что этот вопрос (как и много других) не может получить окончательного ответа, но может быть лишь как-то прояснен максимально полным описанием. С этой же целью она подбирает материал и разрабатывает свой подход.

В принципе придерживаясь выдвинутого И.А. Мельчуком [Mel’čuk 1979] постулата различения числовых парадигм лексем (а не просто слов), О.Н. Ляшевская развивает идею А.К. Поливановой, состоящей в выделении арифметических и неарифметических контекстов употребления [Поливанова 1983]. Арифметические контексты обуславливают выбор числовой формы по стандартному правилу (‘один X’ ~ ‘несколько X’). В неарифметическом контексте (например, “Любите ли вы X?”) информация по числу не имеет значения, но поскольку выбор той или иной числовой формы в русском языке обязателен, как раз такой контекст (подобно лакмусовой бумаге) позволяет выявить “уклон” существительного в ту или иную сторону функциональной дефектности (в этой связи А.К. Поливанова ввела понятие “*singularia- vs. pluralia-ориентированности*”); ср. *Огурцы дорожат / *огурец дорожат vs. Свекла дорожает / *свеклы дорожают*. На основании соответствующих наборов контекстов (формулируемых для нужд соответствующей лексической группы) возможна ступенчатая классификация числового поведения существительных (с. 28–30, 223 и сл.). Она иллюстрирует, что *tantum-существительные* следует рассматривать как представители полюсов на шкале числовой дефектности: это имена, либо переставшие применяться в одной из грамм чисел по семантическим или формальным причинам, либо никогда полной числовой парадигмой не обладавшие (по тем же причинам). Больше или меньше приближение к одному из полюсов формально выражается в том, что в неарифметических контекстах предпочтение по умолчанию отдается той числовой форме, которая для данного имени больше соответствует семантически нейтральному числу (ЕД или МН).

О.Н. Ляшевская шаг за шаг расширяет подход А.К. Поливановой, и не будет преувеличением утверждение, что все ее исследование в основном осуществлено как последовательное применение заложенного Поливановой метода к наиболее представительным лексическим группам из “массива” существительных русского языка. При этом она справедливо замечает, что для того, чтобы удержать цель описания в реализуемых для одного исследователя границах, необходимо принять “условие, что единицей описания является существительное во всех значениях, в которых обозначаемые объекты принадлежат одной денотативной области” (с. 55) (например, поведение слова *земля* в пространственно-географических значениях, например, *земля* как эквивалент *суши* или *государства*, и в вещественном значении, как в *песок с землей*). Из рассмотрения исклю-

чаются употребления (а) референтные “на класс” (*Собака – лучший друг хозяина*), хотя в отдельных случаях обсуждаются генерические употребления, если их числовые характеристики чем-нибудь отклоняются от привычной картины, (б) автонимные, (в) в которых выбор формы числа является следствием правил формально-синтаксического подчинения или согласования.

Для проведения своей программы О.Н. Ляшевская вводит понятие ‘семантической числовой парадигмы’. Ее в принципе нужно составить каждому существительному отдельно (с. 51 и сл.), состоит она из пары числовых форм (ЕД/МН) с возможным указанием неприменимости (чаще всего по семантическим причинам) одной из этих форм (#), а также из указания переустройства этой парадигмы в зависимости от значения слова. С одной стороны, такой способ представления позволяет учитывать полисемию (и, тем самым, требование И.А. Мельчука, см. выше), но, с другой стороны, он опирается на постепенно устанавливаемую сетку семантических сдвигов, обуславливающих, как правило, переход в другой таксономический класс (см. ниже). Принадлежность к этим классам в большой степени определяет выбор числовой формы и (не)счетность имени (см., например, с. 45).

По сути дела, исследование О.Н. Ляшевской показывает, что регулярная полисемия тесно связана с меной таксономического класса. Как правило, семантические сдвиги основываются на метонимии. Перечни типов таких сдвигов см. в особенности на с. 168–171, 220, 274 и сл., 280 и сл. Как на один из особо любопытных примеров можно здесь сослаться на некоторые названия линий, у которых МН может применяться не только как обозначение простого множества, но и как обозначение “рамки”, окаймляющей замкнутую территорию: см. квази-синонимию ЕД и МН в *Граница / границы Москвы протянулась / протянулись на 109 км* (с. 46–47, 177–189). Однако не совсем понятно, почему автор говорит о метафоре, когда ему удается убедительно показать, что ЕД и МН у единиц, обозначающих выделения организма (*сопля / сопли, слюна / слюни, слеза / слезы*), целесообразно понимать как соотношение квантов и субстанций (с. 150), т. е. как разнородность части и целого. По той же причине непонятно, почему метафорой называется семантический сдвиг от действия к отделенной этим действием части целого, какой согласно [Дегтярев 1982: 74] произошел в отглагольных существительных типа *вытопки, отбросы*, являющихся сегодня pluralia tantum (с. 147). Судя по всему объему материала, проанализированного О.Н. Ляшевской, мето-

нимия служит едва ли не единственной концептуальной основой для семантических сдвигов, отмечаемых в области числа существительных – если включать сюда и мерологические отношения между денотатами лексем одного слова (о последних см. ниже). Исключением являются такие названия некоторых мучных блюд и изделий, как *корзиночки, подушечки, вафельные рожки*. Странно, но как раз эти явные случаи переноса по внешнему подобию автор относит к метонимии (с. 256); между тем, данные случаи представляют чуть ли не единственный тип метафоры. К ним можно добавить, видимо, лишь небольшое число метафорических обозначений пространств, таких как *пятак, лоскуты* (земли) и *окно* (в облаках) (с. 218). Во всех случаях метафорического переноса наблюдается тривиальная числовая парадигма, унаследованная от исходных значений этих слов.

Сетку причин сдвигов автор уточняет (и уточняет) с каждой последующей главой. Почти все остальные главы посвящены более или менее детальному анализу лексических (тематических) групп. Эти группы пересекаются с таксономическими классами, такими как сложные объекты (*очки*), пары (*сапоги*) и наборы (*клавиши*), множества (*букет*), вещества (*снег*), совокупности (*мусор, канцтовары*) (с. 57). Оказывается, что таксономические классы позволяют предсказать с большой степенью точности семантическую числовую парадигму входящих в них имен: названия пар, наборов и сложных объектов, как правило, обладают формально дефектной парадигмой МН/МН, имена множеств роднит с именами простых объектов их полная числовая парадигма (ЕД/МН), а названия совокупностей и вещественных материалов имеют дефектную парадигму ЕД/#. Совокупности отличаются от веществ большей внутренней разнородностью (см. особенно с. 167). Нарушение только что названных закономерностей у слов этих двух групп связано с тем или иным семантическим сдвигом МН в отношении ЕД. Ср. *песок* → *пески* ≈ ‘бесконечное пространство из песка’, *Мы в меньшинстве* vs. *народные меньшинства*, *На площади много народу* vs. *народы Севера*: МН переводит эти существительные в разряд обозначений дискретных множеств, так что оно становится похожим на ‘МН сортовое’ (о котором см. ниже). Кроме того следует иметь в виду, что формальная парадигма имен пар, наборов и сложных объектов не всегда предопределяет, ведут ли себя имена этих классов как счетные или несчетные (см., например, с. 57, 59 и сл.).

Главы 2–4 организованы по приведенным таксономическим классам, главы 5–7 – по те-

матическим группам. Особенно много параметров вводится при описании имен пространств (гл. 5). По отношению к ним применяется понятие топологического типа объектов, которым пользовались уже в [Talmy 1983] и [Рахилина 2000]. Под ним подразумевается “функционально значимый для человека класс форм”, т.е. типы линий (“веревки” и т.п.), поверхностей и трехмерных объектов (разного рода “вместилща”) (с. 172). В главах 6–7 более подробно разбираются лексические группы, связанные с едой и растительным миром. Последняя глава (гл. 9) отводится предикатным существительным. В начале каждой “таксономической” и “тематической” главы можно найти репрезентативные (хотя и не исчерпывающие) списки имен, разведенных по семантическим числовым парадигмам.

Внутри каждой главы материал классифицируется в соответствии с семантическими числовыми парадигмами. В главе 2 рассматривается предметная лексика в узком смысле, т.е. названия предметов и лиц. Среди них выделяются сложные предметы (в основном артефакты), пары и наборы, ряды. Что касается обозначений рядов и пар людей, то О.Н. Ляшевская наряду с ‘МН взаимным’ (ср. *Мама и Петя поцеловались*) и со смешанной интерпретацией МН как в случае *Приглашены начальники отделов с супругами* выделяет так называемое ‘МН ассоциативное’; ср. *Победители олимпиад имеют преимущество при полупроходном балле*. В толковании этого значения МН необходима фраза типа ‘X, занимающий первое / высшее место в ряду + те, кто рядом с ним’ (с. 87–92). Далее рассматриваются артефакты и их части, которые имеют ту или иную форму или функцию, располагающую к нетривиальному значению МН. Именно анализ названий артефактов и их частей наводит на самые интересные выводы в данной главе. Если можно исходить из того, что в общем разные интерпретации МН обусловлены прежде всего лексическим значением соответствующих имен (с. 83, 92), обращает на себя внимание неполная синонимия ЕД и МН ряда названий артефактов, таких как U-образные веревки; ср. также *сеть* vs. *сети*, *дверь* vs. *двери*, *тормоз* vs. *тормоза* и т.д. (с. 110–122). Числовое поведение у них зависит от визуальной концептуализации и от функционального предназначения предмета. Так, например, названия всякого рода веревок (*цепь*, *шнурок*, *повод*, *скакалка*), как правило, выступают во МН, если в фокусе внимания находятся их концы; особенно это имеет место, когда концы держат каждый в одной руке (например, *травить поводьями*). В других случаях числовое

поведение обусловлено количеством складок (*юбка с оборкой / с оборками*) или их расположением друг к другу, а, возможно, также метонимическим переносом на само место соединения тканей (например, на коже, поэтому *швейный шов*, но *хирургические швы*). Еще в других случаях выбор числовой формы связан с концептуализацией как линии vs. как множества (например, *вдеть нитку в иголку*, но *распутывать нитки* даже тогда, когда речь идет всего лишь об одной нитке, но свернутой в клубок). Характерно, что в контексте, в котором одновременно могут актуализоваться конкурирующие типы концептуализации, ЕД и МН приобретают полную синонимию (ср. *наматывать нитку / нитки на шпулю*). Особенно поучительно сравнение числового поведения и парадигм слов *дверь*, *окно* и *ворота* (с. 117–120). Внутренняя мотивация МН слова *дверь* (*двери*), связанная с тем, что называет она сложный предмет с двумя створками, в современном языке стерлась (ср. равнозначность *закрывать дверь / двери*). Тем не менее нельзя сказать, чтобы ЕД и МН этого слова стали абсолютно синонимичными. Полная взаимозаменяемость обеих форм наблюдается лишь в контекстах, в которых дверь концептуализуется главным образом как проем (для чего ее материальная “сложность” не играет роли), ср. *Воры проникли в квартиру через дверь = двери приемной*. Однако когда языковой контекст на первый план выдвигает “составность” обозначаемого предмета (т.е. актуализируются отдельные его части), замена ЕД на МН или наоборот невозможна (*потянуть за ручку двери / *дверей*) или высказывания с ЕД и МН неравнозначны (*снять с петель дверь ≠ двери*). Любопытно в этом отношении поведение слова *окно*. Как и *дверь*, оно обозначает проем, и традиционно окна также состоят из двух створок. Все же его МН имеет только тривиальное (“арифметическое”) значение; поэтому *открыть окно ≠ окна* (ср. также *в дверях / *в окнах показалась голова хозяйки*). Напротив, слово *ворота* относится к pluralia tantum, внутренняя мотивация которых во многих контекстах употребления оказывается полностью стертой (ср. *подъемные ворота гаража*).

Для лингвистов небезынтересным будет тот факт, что названия текстов ведут себя часто так же, как названия сложных объектов (с. 121 и сл.). Их МН может обозначать не только тривиальное множество, но также совокупность речевых актов или сложно устроенный текст. Ср., например, синонимию ЕД и МН *Всю свою жизнь она вела дневники (= дневник)* и невозможность замены ЕД на МН в контексте с точной временной локализацией (“*Он великий человек!*” – *записал Павлов в своем*

дневнике / *в своих дневниках). Среди названий печатных текстов распространен особый тип метонимического переноса: текст как предмет (текстовый носитель, ср. *На столе лежит книга*) и текст как произведение (ср. *В продажу поступил новый роман писателя АБ*). Последний тип употребления ('ЕД идентичного множества') предполагает понятие тиража. Это объясняет, почему МН допустимо для обозначения множества множеств (*В продажу поступили все романы писателя АБ*), в то время как в других видах искусства (и творческой деятельности) МН с такой интерпретацией исключается или является крайне невероятным (так, например, *На аукционе продавались картины раннего творчества Репина* не допускает прочтения множества множеств) (с. 126–128).

Так называемое 'ЕД инструментальное' интересно в первую очередь на фоне более общих правил в дистрибутивных контекстах. О.Н. Ляшевская вводит этот термин, чтобы объяснить употребление ЕД в синтаксически подчиненных именных группах, которое не трансформируется в МН тогда, когда модифицируемые этими именными группами члены предложения употреблены в МН. Это явление сближает 'ЕД инструментальное' с употреблением счетных имен в дистрибутивных контекстах (см. ниже). Хотя автор за этими именными группами признает только роль обстоятельства, в примерах встречаются и случаи ЕД инструментального с функцией актанга или определения; ср. *Они пьют коктейль через соломинку* (→ обстоятельство), *Участники (соревнования) метали копье* (→ аргумент), *Все стали переговариваться с соседями по этажу* (→ определение). В самом деле, данная функция ЕД наблюдается и для обозначения отличительного признака в сложных названиях (ср. *куртки на молнии, вода из колодца* = *колодезная вода*). Для приведенных синтаксических контекстов характерно уменьшение референтности существительных, что объединяет их с родовыми употреблениями (с. 123–125).

Предметом главы 3 являются имена веществ и материалов. Подразделив основной словарный материал в зависимости от формального облика парадигмы на четыре группы (*pluralia tantum; singularia tantum; имена с нетривиальным значением МН; имена с синонимией форм числа*), О.Н. Ляшевская выдвигает общий алгоритм выбора числовой формы для *singularia tantum*, чье МН испытывает семантический сдвиг. Стандартной реинтерпретацией МН для них признается сорто-видовое значение, а окказиональной – "порционная" интерпретация (ср. *два молока*). В общем и целом, возможности квантификации в этой группе

оказываются довольно ограниченными (ср. *три масла*, но **пять масел*, а также **несколько молока, пив* и т. д.). При этом возникает вопрос, почему автор считает *воды Нила* обособленным случаем (наравне с *ездить лечиться на воды*), вместо того чтобы отнести его к выделенному ранее типу 'скопление вещества' (ср., например, *пески*) (с. 136–137). В остальной главе проверяется состоятельность алгоритма и вводится ряд уточнений его правил для тех имен веществ, которые ему не подвергаются. Решается вопрос, почему МН одних существительных имеет значение сорта (*вина, лаки*), МН других обозначает скопление больших количеств материала или заполнение пространства (*воды, льды*), МН третьих имеет значение, близкое к значению совокупности, часто представляющей как результат того процесса, который обозначает ЕД данного слова (*пары, газы, осадки*). Близость к обозначениям совокупностей подтверждается анализом МН названий совокупностей типа *боеприпасы, принадлежности, власти* и т.п., хотя их МН, видимо, предполагает более гетерогенную совокупность (с. 167).

Автор не отмечает, что из только что упомянутых типов переноса второй и третий гораздо ближе друг к другу (их денотаты в ЕД и МН соотношены мерезологически), чем каждый из них к первому (для него между ЕД и МН устанавливаются таксономические отношения). Что касается первого, то в каком-то смысле тривиально выглядит обсуждаемая позднее гипотеза, что у веществ, называемых именами, у которых вообще нет МН (*кислород, воздух* и др.) или оно не приобретает сортового значения (*снега, пески* и др.), пользователи языка не выделяют разновидностей (с. 138). Кажется, что здесь налицо лишь вариант той более общей закономерности, которую О.Н. Ляшевская обсуждает прежде всего в связи с названиями еды и растений (см. ниже) и которая сводится к принципу функциональной выделенности: пользователи языка применяют МН к названиям веществ или трудно расчленимых скоплений (или совокупностей объектов), если они по той или иной причине приобретают значимость в быту человека. По сути дела, подобный принцип автор признает и здесь, когда он пишет, что форма МН (с сортовым значением) «"на слуху" тогда, когда она обозначает вещество или материал, часто встречающиеся в ситуации выбора из ряда подобных», например в магазине (с. 140). Ср. такой пример как *Возьми несколько йогуртов (сырков)*, допускающий, кроме "порционной", и сортовую интерпретацию.

Подобные функциональные принципы задействованы также в других типах значения

МН. Так, стоит упомянуть о ряде названий совокупностей, близких по значению к названиям веществ, причем особенно ярко это проявляется в их МН. Ср., например, *толпы, массы*. Для правильного употребления их МН необходим “взгляд с некоторого расстояния” (с. 166); ср. *Вокруг меня были толпы vs. *В толпах я увидел Машу*. Для многих названий представителей флоры и фауны решающим моментом при образовании и интерпретации МН является “признак размера единиц и связанный с ним признак важности для человека употребления в типовой ситуации большого количества таких единиц” (с. 169).

Подробнее эти положения обосновываются в главах 6–7, посвященных названиям еды и растений. Поскольку их денотаты обладают очень разными свойствами (по размеру, четкости формы, жидкости vs. твердости, сложности и т. д.), числовое поведение внутри этих тематических групп весьма неодинаково. Числовое поведение имен растений оказывается самым размытым, и это скорее всего обусловлено низкой значимостью и выделенностью видов растений как таковых в восприятии человека (с. 275). Тривиальная числовая парадигма у названий растений тем вероятнее, чем четче в растениях выделяются отдельные части (например, стебли или головки цветков) или их форма, а также чем значимее данное растение (или его плод) в культуре людей. Названия трав нередко испытывают семантический сдвиг, когда их МН используется для обозначения большого пространства (*ковыли, камыши* и т.п., ср. МН названий веществ *пески, льды* и т.п.).

Названия видов пищи хуже всех тематических групп поддаются перечислению по спискам, и для охвата их числовых парадигм больше всего требуется учет схем, выводимых из функциональной значимости видов пищи для человека и способов обращения с ними. Для большого количества названий фруктов и овощей подтверждается гипотеза А. Вежбицкой [Wierzbicka 1988], согласно которой «в качестве естественной границы классов выступает ситуация “держа в руке, поедать целиком”» (с. 222). То есть, рука делается своего рода основным мерилем исчисляемости названия объекта (ср. *яблоко* → *яблоки*, но *горох* → **горохи*, *капуста* → **капусты*); названия денотатов, не удовлетворяющих этому требованию, ведут себя как названия веществ (ср. *молоко, мед* и другие названия жидких или вязких видов пищи), в частном случае и как названия совокупностей (ср. *рис, смородина, макароны* и вообще названия сыпучих продуктов питания, но также названия более гетерогенных совокупностей как ЕД *винегрет, вытечка* или МН *яства*). Однако эта гипотеза не способна объяс-

нить все случаи (с. 222 и сл.; ср., например, МН *бобы* и ЕД *фасоль*, относящиеся к одному и тому же денотату). Когнитивный признак размера объекта довольно легко подавляется другими факторами, в первую очередь функциональными, связанными с предназначением или способом обработки объекта (с. 257 и сл.). Кроме аргументов, уже выдвинутых в литературе, О.Н. Ляшевская приводит наблюдение, что счетность и числовое поведение может зависеть от места данного названия в таксономии. Так, например, слова ниже базового уровня (в смысле когнитивных таксономий, установленных Э. Рош), т.е. слова, обозначающие сорта, не поддаются счету (ср. *яблоки*, но не **антоновки*), в то время как слова на уровне выше базового, обозначающие сами классы, довольно свободно образуют МН (ср. *спиртные напитки* и т. д.) (с. 225, 237 и сл.). Думается, однако, что этот факт, интересный сам по себе, придется еще уточнять на материале других тематических классов. Вряд ли он отражает какой-то более общий принцип, если, например, в области артефактов запреты на образование МН на уровне сортов не наблюдаются; ср. названия автомобилей типа *форд* → *форды* или *жёлтые жигули*, названия жилищ типа *хижина* → *хижины, палатка* → *палатки* или названия видов мебели типа *складные стулья, шезлонги*. Здесь необходимо дальнейшее исследование взаимодействия разнородных факторов, на учете которого автор справедливо настаивает.

Отдельный раздел (гл. 8) отводится анализу числового поведения существительных в дистрибутивных контекстах. В конце краткого обзора, представляющего типы соотношения между множествами с логической точки зрения, О.Н. Ляшевская приходит к выводу, что дистрибутивность и другие виды количественной интерпретации (например, собирательность) языком разграничиваются “не в том смысле, как их противопоставляют логики”, а зависят скорее от прагматических знаний (включая сюда ситуативное знание) и от лексической семантики выбираемых единиц (с. 292). На основе такой предпосылки она разбирает материал с точки зрения концепции Интегрального словаря. Основой описания служит таксономическая структура имен из базы “Лексикограф” (см. [Красильщик, Рахилина 1992]), в которую для каждого имени записываются мереологические соотношения с коррелятами (например, *голова* имеет статус ‘часть’ по отношению к корреляту ‘тело’). Для поведения в дистрибутивных контекстах первоочередное значение имеет мереологический статус – эти статусы частично соответствуют

таксономическим классам, введенным выше – и то обстоятельство, является ли денотат данного имени единственной частью соответствующего коррелята или нет (ср. *нос, рот vs. глаза, уши*). Часто этот вопрос решается прагматически: по умолчанию такое предложение как *Дети повернули голову в сторону школы* прочитывается дистрибутивно; но эта интерпретация может быть снята, если вводится дополнительный референт, который осмысливается как “ориентир” для этой же части тела: *Дети повернули голову снеговика в сторону школы*. Систематична размытость референции в дистрибутивных контекстах, если имя в МН обозначает неединственную часть, а коррелят (ориентир) тоже назван в МН; ср. *У всех очков сломаны дужки* (у разных очков могут быть сломаны обе дужки или только одна). Необходимо к тому же устанавливать, является ли отношение денотата имени к своему корреляту постоянным (неотчуждаемым) или ситуативным (переменным). При этом любопытно, что названия родства ведут себя как ситуативно обусловленные; ср. *В зале появились девочки, сопровождаемые отцами* (при ЕД отцом возникало бы собирательное прочтение) (с. 298). В главе 10 (см. ниже) те же лексические и прагматические свойства анализируются и среди предикатных имен (с. 330–333). Можно было бы думать, что с ними ситуация сложнее, поскольку предикатное имя дополнительно задает свою аргументную структуру, каждый актанта которой может быть заполнен дистрибутивными референтами (ср. *Следователи уже приступили к допросу свидетелей* – сколько свидетелей допрашивало скольких свидетелей?) (с. 331). Здесь автор обходит молчанием тот факт, что на самом деле “игра в референты” в таких случаях не сложнее, чем с некоторыми предметными именами, например с названиями родства (ср. *Отцы пришли со своими детьми* – у скольких отцов было больше одного ребенка?).

При обсуждении выбора числовой формы в дистрибутивных контекстах встает вопрос, нужно ли включать в словарные статьи существительных сведения об ингерентных мереологических и других связях предметов, которые они обозначают (с. 292–300). Ответ автора неоднозначен: с одной стороны, нередко особенности поведения единиц, связанные с их мереологическим статусом и коррелятами, заставляют думать, что законным местом для хранения информации по их числовому поведению является словарная статья (с. 296). С другой стороны, в принципе невозможно очертить объем единиц, для которых были бы нужны специальные сведения, позволяющие предсказать и интерпретировать числовое поведение в

количественных контекстах (с. 299). Далее О.Н. Ляшевская рассматривает еще ряд сочетаемых и синтаксических факторов, осложняющих интерпретацию числовых форм в количественных контекстах (в том числе с деепричастием, с внешним посессором у + род. пад., с императивом).

Все исследование, проведенное О.Н. Ляшевской, склоняет к общему выводу, что решающим моментом для числового поведения имени является не материальная “сущность” его денотата (и даже не обязательно его принадлежность к определенному таксономическому классу), а ракурс, под которым этот денотат концептуализуется. Такой вывод безусловно имеет большую значимость. Но нельзя не отметить, что проблемой для него остаются некоторые идиоматичные случаи (например, *щи* и *баклажаны*) и случаи, в которых явно задействованы формальные мотивы как, например, словообразовательная аналогия (см. ниже). Кроме того, в некоторых случаях нельзя исключить действие “функциональной (не)освоенности”, по которой друг от друга отличаются слова синонимического ряда. Например, слова *граница* и *край* обнаруживают нестандартное, но семантически вполне прозрачное поведение МН (≈ ‘совокупность линий, обрамляющих замкнутую территорию’, см. выше), в то время как в числовой парадигме семантически близких существительных *предел, черта, рубеж* обнаруживается более капризное поведение, которое невозможно объяснить семантическими причинами. По мнению автора, это наблюдение можно связать только с фактом, что последние три слова употребительны в меньшем количестве контекстов. Поэтому носители языка менее “гибко” обращаются с их числовыми формами, чем это имеет место у слов *граница* и *край* (с. 188–189).

О.Н. Ляшевская, вполне осознавая такие несемантические причины, приводит аргументы, ослабляющие силу чисто когнитивной гипотезы А. Вежбицкой, особенно в сфере названий фруктов и овощей (с. 222–224). В целом автор настаивает на том, что, кроме семантических причин формальной или функциональной дефектности числовой парадигмы, необходимо учитывать также морфологические критерии, например морфемный состав или тип склонения (с. 145–150, 168, 258 и сл., 278 и сл.), и причины, связанные с семантическим развитием слов (с. 232 и сл.). Среди них для *singularia tantum* можно назвать отадекватившую природу существительного (ср. *снотворное* при ненормативном **снотворные* и т.п.), если оно не обозначает совокупность людей (ср., например, обычность МН *взрослые, близкие*), учас-

тие суффикса {us/ev} (*пиво, варевко* и др.), диминутивы среднего рода с суффиксом {и} и ударением на окончании (*письмецо, сельцо* и т.п.) и отглагольные существительные, называющие совокупность, состоящую из разнородных объектов-частей (ср. *меблировка, обзаведение*, но и *обвинение*), а для pluralia tantum – исконную лексику (корни + суффиксы) vs. заимствования (ср. *чернила* vs. *тушь* и т.п.) и морфологическую структуру {приставка + глагольный корень (+ суффикс -к-)} слов, МН которых обозначает отходы производства (*высевки, отруби, помои* и т.д.). Как видно, для ряда случаев можно отметить одновременное действие формально-морфологического и семантического критериев; интересно также, что данная модель pluralia tantum распространяется и на существительные, МН которых называется результаты процессов и которые сами отчасти являются pluralia tantum (например, *газы, осадки*). Такая семантика свойственна и МН целого ряда отглагольных существительных (ср. *расходы, испарения* и т.п.). В указанном распространении нетривиального, но довольно регулярного значения МН на существительные различного семантического и словообразовательного происхождения можно усмотреть проявление некоторого организующего принципа внутри анализируемой части словаря (см. особенно с. 148). Подобную аналогию можно отметить и в употреблении МН имен веществ и растений; ср. *овсы* ≈ ‘пространство, сплошную покрытое данным видом злака’ (как *снег, песок* и т.п.). Аналогия состоит здесь в распространении нетривиального значения МН от МН обозначений географических объектов как, например, *гора* → *горы* ≈ ‘пространство, покрытое горами’ (с. 219).

Действие разнородных факторов, обуславливающих числовое поведение, О.Н. Ляшевская особенно подробно и систематически рассматривает в так называемом “Экспурсе” (с. 277–283). Она подразделяет все факторы на формально-морфологические, внутрисистемные, семантические и прагматические. Особое внимание уделяется словообразованию и его роли при наследовании числового поведения от мотивирующих основ. Анализ и здесь нацелен прежде всего на выявление регулярных типов многозначности. На основе четкого разграничения квалифицирующей и мотивирующей аффиксации автору удается выявить принципы, по которым тип числового оформления имен существительных наследуется или теряется (изменяется) в производных словах: квалифицирующие аффиксы сигнализируют изменение числовой парадигмы (например, *баран* → *бараны* ⇒ *баран-ин-а* → #, *горох* → # ⇒ *горош-ин-а* → *горошины*), тогда как модифи-

цирующие ее сохраняют (например, *стол* → *столы* ⇒ *стол-ик* → *столики*, *мясо* → # ⇒ *мяс-к-о* → #).

В заключительном разделе (гл. 10) О.Н. Ляшевская обсуждает числовое поведение отпредикатных существительных. При этом она не оговаривает границы этого понятия. Можно думать, что “прототипом” предикатного имени является помен actionis (без семантических сдвигов по сравнению с глагольной основой). На самом деле, в примерах встречаются также существительные, производные от прилагательных (*правота, краснуха, тишина, особенности*), от местоимений (*свойства*) или вообще непродуцированные для русского языка (*интересы, инстинкты*). Они немного “замутняют” представляемую картину, поскольку изложения не всегда ясно, к какому словообразовательному типу существительных относятся рассуждения автора.

Впреки обиходному мнению, будто числовые парадигмы предикатных имен устроены принципиально иначе, уже в начале главы выясняется, что это мнение требует критического пересмотра. Один из глобальных результатов О.Н. Ляшевской состоит в том, что предикатные имена допускают абсолютно те же нетривиальные случаи семантической числовой парадигмы, что и предметные имена. Однако предикатным именам свойствен и ряд дополнительных переносов значений МН, которые не встречаются у предметных имен. О.Н. Ляшевская перечисляет 13 типов (с. 333–334), причем ее деление очень дробное (так, например, ‘способ движения’ → ‘мероприятие’: *катание* → *катания* <с гор> и ‘способ движения’ → ‘соревнования в передвижении таким способом’: *бег* → *бега* считаются разными типами) и во многих из типов семантический сдвиг настолько мал, что между ЕД и МН расхождения в номинативном значении практически нет (например, между ЕД *колебание* и МН *колебания*). Поэтому в общем и целом семантическая числовая парадигма предикатных имен изоморфна парадигме предметных имен как в отношении формальной дефектности, так и в отношении исчисляемости (см. таблицу на с. 307). Возражение вызывает лишь трактовка слова *похороны* как исчисляемого pluralia tantum; ср. **Он был на троих похоронах*, **На прошлой неделе произошло трое похорон*, хотя можно *В городе N. часты были похороны* = ‘часто случались похороны’. Справедливо, однако, что “спектр предикатных имен сильно смещен в сторону неисчисляемости” (с. 307).

Сделав этот общий вывод, автор приступает к объяснению особенностей числового поведения разных групп предикатных имен, срав-

нивая их с акциональными характеристиками глаголов (от которых они являются производными). Как уже отмечалось в ряде работ, исчисляемость существительных обусловлена такими свойствами, как (не)дискретность обозначаемых ими объектов – точно так же, как акциональные характеристики глаголов обусловлены такими свойствами, как (не)пределенность. В предикатных именах эти по сути дела изоморфные свойства “сходятся”, поскольку эти имена часто наследуют акциональные свойства производящих их глаголов. Дальнейшее изложение преследует цель более четко установить, в каком объеме предикатные имена наследуют такие свойства; проводится подробный разбор зависимости числового поведения от унаследованных глагольных свойств. На их основании можно выделить таксономические классы предикатных существительных, наподобие тех классов предикатов, как-то многократно выделялись вслед за работами Ю.С. Маслова и З. Вендлера. Из частных наблюдений О.Н. Ляшевской стоит указать, что неопредельные и мутативные глаголы, как правило, образуют *nomina actionis*, причем *nomina actionis* от мутативных глаголов не называют события, а только процессы (ср. *тянуть, увядание*), в то время как предельные глаголы, обозначающие чистые события (‘происшествия’ по Т.В. Булыгиной [Булыгина 1982]), их обычно не имеют (ср. *споткнуться* ⇒ **споткнутие*, возможно, наверное, только в качестве языковой игры, *заметить* ⇒ **замечение*, а в *заметка* налицо метонимический сдвиг к обозначению результата и т.д.) (с. 309). У *nomina actionis* различие ЕД ~ МН часто совпадает с различием между процессом и событием (точнее, событиями); ср., например, *Он занимается подделкой паспортов* vs. *Участились подделки паспортов* (с. 313). В целом ряде существительных, обозначающих то или иное направленное движение, МН возможно только тогда, когда действие становится особо значимым на фоне соответственной нормы (ср. *сход с лестницы* vs. *сход / сходы лавин*) (с. 326). Перенос ЕД / процесс → МН / событие напоминает нестандартное значение МН у предметных имен веществ (ср. *испарение* → *испарения*). Примеры подобных параллелей можно было бы многократно умножить.

В заключение следует еще раз подчеркнуть, что глубокое и тщательное исследование О.Н. Ляшевской задает ориентиры для всех последующих исследований грамматического числа, а в известном смысле также для исследований по взаимодействию лексической семантики слов с граммемами соответствующих категорий вообще. Эту монографию нельзя

будет обойти никому, кто впредь захочет высказываться по проблемам грамматического числа, и можно предсказать, что она займет достойное место в ряду фундаментальных исследований по грамматическим категориям и по системной лексикографии.

Помимо детального анализа “фонда существительных” русского языка, в этой работе важен и другой аспект: книга О.Н. Ляшевской намного надежнее, чем раньше, дает возможность сравнивать поведение числовых форм существительных с поведением других грамматических категорий, в том числе других частей речи. Более того, она дает возможность и для сравнения русского материала с материалом других языков; в этом отношении (как и в других) большую ценность представляет включенный в книгу лексический указатель.

Что касается сопоставления категории числа существительных с другими грамматическими категориями, то следовало бы указать на перспективность ее сравнения с категорией глагольного вида. Об этой возможности в книге нигде не упоминается, но интересно, что А.К. Поливанова, на работу которой по выбору числовой формы О.Н. Ляшевская опирается (см. выше), написала также работу по выбору видовых форм, в которой она придерживалась принципиально того же метода, которым пользовалась и при выделении арифметических vs. неарифметических употреблений числовых форм (см. [Поливанова 1985]). По всей видимости, А.К. Поливанова параллели между числом имен и видом глаголов в русском языке хорошо осознавала. Эти параллели становятся очевидными, в частности, и из непрекращающихся дискуссий по проблемам видовой парности. Как бы этот вопрос ни решался тем или иным исследователем, сам факт видовой противопоставленности глаголов русского языка от этого не меняется. Сходным образом сама оппозиция ЕД и МН существительных не может быть оспорена в зависимости от того, сколько существительных образует тривиальную числовую парадигму (а их оказывается еще меньше, чем предполагалось до сих пор). Выбор ЕД и МН, так же, как выбор сов. или несов. вида и широта инвентаря контекстов, в которых граммы числа и вида оказываются применимыми, в большой степени обуславливается лексическим значением основ, с которыми эти граммы сочетаются. Между видом и числом можно наблюдать еще больше схожих черт, если вникнуть в ряд частных и переносных значений граммем обеих категорий. Прежде всего это касается узуальных контекстов и параллелей между родовым употреблением имен и выбором вида для обозначения нелокализованных во времени действий. Об-

суждение таких параллелей вышло бы за пределы рецензии.

Кроме сопоставления качеств самих категорий (т. е. взаимодействия структуры граммем с лексическим содержанием единиц, в которых эти грамлеммы выражаются) параллели между существительными и глаголами обнаруживаются и в плане их лексических характеристик, таких как гомогенность по сравнению с (не)предельностью, семейфактивность некоторых неопредельных глаголов по сравнению с “порционностью” и “квантованием” в именах веществ и материалов. На эти параллели О.Н. Ляшевская, впрочем, указывает и сама в ходе обсуждения названий видов пищи (с. 222 и сл.) и предикатных имен (с. 307 и сл.), хотя здесь ее наблюдения не выходят за пределы уже известного из цитируемых ею работ.

И, наконец, если вернуться к выводу, что по крайней мере у названий пищи (фруктов и овощей) исчисляемость в большой степени обусловлена соизмеримостью с рукой человека, то здесь можно обнаружить еще одну параллель с лексической семантикой глаголов, а именно, с так называемым признаком “зернистости”, который ответствен за связь предикатов в нарративном дискурсе (ср. странность “*Утром он открыл глаз, потом позавтракал, а в Сибири наконец вымерли мамонты*”). В исследовании [Marszk 1996] делается вывод, что зернистость в конечном счете определяется соотношением называемого глаголом действия с такими действиями, выполнение которых возможно с помощью руки.

Техническое оформление книги в целом безукоризненно, но довольно часто проблемой для читателя оказываются неуместные падежные и числовые формы (особенно в подаче числовых парадигм отдельных лексем); кроме того, не все толкуемые выражения в тексте выделены курсивом. В таблице 5 (с. 253) часть имен оказалась закрыта штриховкой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Булыгина 1982 – Т.В. Булыгина. К построению типологии предикатов в русском языке // О.Н. Селиверстова (отв. ред.). Семантические типы предикатов. М., 1982.
- Дегтярев 1982 – В.И. Дегтярев. Происхождение имен pluralia tantum в славянских языках (К определению семантических механизмов лексикализации форм мн.ч.) // ВЯ. 1992. № 1.
- Красильщик, Рахилина 1992 – И.С. Красильщик, Е.В. Рахилина. Предметные имена в системе “Лексикограф” // НТИ. Сер. 2. № 9. 1992.
- Поливанова 1983 – А.К. Поливанова. Выбор числовых форм существительных в русском языке // Проблемы структурной лингвистики 1981. М., 1983.
- Поливанова 1985 – А.К. Поливанова. Выбор видовых форм глагола в русском языке // R Ling. 1985. № 2.
- Рахилина 2000 – Е.В. Рахилина. Когнитивный анализ предметных имен: Семантика и сочетаемость. М., 2000.
- Marszk 1996 – D. Marszk. Russische Verben und Granularität. München, 1996.
- Mel’čuk 1979 – I.A. Mel’čuk. “Countability” and “Non-countability” and the lexicographic description of nouns in Russian // P.R. Clyne et al. (eds.). Chicago linguistic society. 15. 1979.
- Talmy 1983 – L. Talmy. How language structures space // H. Pick, L. Acredolo (eds.). Spatial orientation: theory, research, and application. New York, 1983.
- Wierzbicka 1988 – A. Wierzbicka. The semantics of grammar. Amsterdam, 1988.

Б. Вишер